

Золотухин В. ИМПРОВИЗАЦИЯ. Рассказ из жизни Ивана Чайникова // Алтай. — 1980. - № 4. -С. 67-69.

Собрание родного коллектива было назначено на тринадцатое число. Причина сбора: два достойных члена коллектива должны были выразить добровольное желание поехать на уборку урожая. К тому же прошел слух, что недовольный последним спектаклем шеф будет делать очередной втык, как любит он сам выражаться.

Иван Чайников, не будучи от природы суеверным человеком, кое-чему в жизни научился и кое в кого поверил. Вообще, надо сказать, приметы, их толкования и всяческие предзнаменования расцветали в коллективе этого драматического театра махровым, опереточным цветом: некрещенные носили кресты, молились перед выходом, целовали друг у друга голые коленки перед премьерой, старались увидеть нарождающийся месяц только слева и т. д. и т. п.

Но тринадцатое число, вопреки всем толкованиям, Иван считал для себя счастливым, потому что именно тринадцатого состоялось в свое время его торжественное снятие с роли Артуро Уи.

Проходя мимо туалетов, Иван весело поприветствовал их смотрительницу и свою давнишнюю подругу тетю Глашу. Они не боялись друг друга и потому дружили. Больше того, они были по-своему влюблены друг в друга, но об этом после. А теперь...

Тетя Глаша, убирая пыль и грязь в театре, собирала все новости и настроения, знала многое наперед и не раз спасала Ивана от всяких неожиданностей и капризов Судьбы. Иногда Ивану казалось, что не премьерша, а она, Глаша, отсюда, из туалета, по телефону руководит театром, а может, и всем советским искусством. От нее Иван узнавал иногда такое, - чего не знал даже главный.

Сегодня Глаша была, как никогда, не в форме. Ее уж предупредили, что она должна изъявить желание, то есть сделать почин и тем самым вдохновить других... Другие — это значило: Чайников. Иван успокоил ее: «Не убивайся, Глаша, переживем. И не такое бывало...» Они помолчали дружно, и Иван пошел на собрание. Он сел на нейтральной полосе, недалеко и не близко, а в самый раз, чтобы и не на глазах у главного и в то же время, чтобы хорошо его слышать.

...В каждом селе, как известно, свои порядки, и в каждом селе, как известно, свой дурак. Дурак — это не обязательно богом обиженный, с недостающим разумом человек, совсем не обязательно, а иногда даже наоборот. Дурак есть в любом нормальном коллективе. Дурак — это скорее положение, чем призвание.

Дурацкую роль на театре играет чаще всего самый умный, по принципу — умному в роли дурака прожить легче, чем дураку в роли умного. На эту роль не назначает главный, она приходит сама, по стечению обстоятельств, прилипает сама собой. Человек и не подозревает, и не готовится к ней, но вдруг начинает ее играть. «Дураков не сеют, они сами рождаются» — поговорка неверная, во всяком случае касательно тех дураков, о которых речь идет. Дураков именно сеют, их делают сами люди. Дураки нужны нам, чтобы мы, остальные, чувствовали себя умнее. На кого же мы потом провалы наши сваливать будем, на умных, что ли?

Ну, об этом после. А теперь...

Иван не был ни особенно умным, ни особенно дураком, он был — Чайниковым. Старый дурак театра уходил на пенсию, а Иван чувствовал, что судьба готовит ему роль дублера. Да и Глаша подозревала то же самое. И вот популярность Ивана в родном коллективе космически возросла. Он по-прежнему, как до, так и после, ничего не играл и не стремился, но имя его потихоньку сделалось прозвищем и вышло за пределы родного коллектива. «Ты вроде Чайникова», — говорила какая-нибудь жена какому-нибудь мужу. «Не будь Чайниковым», «Будь Чайниковым», «Все у тебя, как у Чайникова!» Чайников... Чайников... везде один Чайников, во всем и всюду он, как в стуле гвоздь.

А когда-то Иван жил тихо и незаметно, да и теперь был не совсем готов к столь ответственной роли, хотя и понимал, что другой кандидатуры на эту роль нет — в самом

деле, не ставить же на нее народных, заслуженных, ведущих и подающих надежды! Ну, об этом после. А теперь... Шеф начал очередной втык, сразу и просто: «Я кончаю с либерализмом, дорогие товарищи, — сказал он задумчиво и пошел, пошел, распаясь. — Я прикрою эту богадельню... Я все вижу... Я все слышу... Шведский король был на спектакле... Король человек свежий, он сказал, что артисты забурели, не действуют, не общаются, каждый тянет на себя, текст засорен отсебятинами... Посмотрите на балетных, как они работают! У них волчий закон, закон сильного: я кручу шестнадцать, а ты пятнадцать, а если я буду крутить тридцать два, я — мастер, мне цены нет... А драматические артисты почему-то считают, что им не нужно тренироваться, дескать, было бы самочувствие внутри, выйду сейчас и дам. И дает, глаза бы не глядели. Почему вы не хотите крутить тридцать два? А Брехт, он жестокий автор, у него вопрос — ответ, вопрос — ответ... Поэтому диалог у вас не живой... Вы не рождаете эти замечательные образы, не тянете сквозное... Нет, вы, конечно, понимаете, что это премьеру, и вы вздрючиваете свою эмоциональную... штуку, но, кроме этой штуки, хотелось бы знать, куда она направлена. Задумайтесь, товарищи».

В конце он, как всегда, в двух словах сформулировал свой единственно правильный взгляд на искусство: «Театр — это спорт, кто прыгнет выше, тот играет, и когда я — мастер, мне никто не посмеет сказать — тьфу».

О целине он не обмолвился. То ли не знал повестки дня, то ли забыл, то ли не верил в небывалый урожай, который без артистов ни за что не убрать, то ли не в том дело, не в том и не в этом.

Иван уважал в главном его принципы, но всегда робел, когда тот их громко формулировал. Но только робел. Боялся же он заведующую труппой, которая уже встала и готовилась произнести речь, сортируя в руках «черные» листки, в коих содержалась обычно всякая пакость: опоздания, нарушения, злоупотребления... здесь же намеки на административные, взыскания, и все это в самый неподходящий момент опрокидывалось на самые незащищенные головы, к коим относилась и голова Ивана Чайникова. На всякий случай Иван втянул голову в плечи, готовя себя ко всему... И все вокруг и около него тоже притихли, затаились.

«А меня беспокоит импровизация», — отчеканила завтруппой и стала собираться с дальнейшими мыслями. Иван, перевел дух: «Ну это мимо... Пронесло... Импровизировать, слава те господи, мне негде. И потому слушаю тебя, зануда, и не боюсь ни капельки...»

Между тем голос завтруппой набирал силу и темперамент мысли: «Импровизация — вещь опасная. И мне кажется, дана она избранным. Владеть ею дано очень немногим... У нас же считают, что импровизировать имеет право каждый. От этого заблуждения я бы хотела уберечь некоторых артистов, дабы избавить их от лишних административных взысканий. Нет, импровизировать можно, сколько угодно, но на репетиции, под контролем режиссера, а не на публике, не на спектакле... А публика к нам ходит, сами знаете, дай бог, чтобы другие театры имели такую публику! И эта публика слышит иногда такие перлы импровизации, что хоть стой, хоть лежи. У меня тут записаны некоторые импровизации. Нет, конечно, не все и не самые лучшие, но все же... Вот, например, в картине «Трюмы». Идет пантомимическая сцена, только музыка и движения... Сцена рассказывает о каких-то вещах языком тел, посредством пластического, так сказать, разговора... И вдруг этот, пластический разговор разрезается фразой: «А, попались, голубчики!» Какие «голубчики», почему?! Иван Васильевич, это ваша, кажется, импровизация? В общем, у меня тут много... не буду читать все, что первое попало в поле зрения, так сказать...»

Она еще долго кого-то ругала и на кого-то ругала, но Иван уже ничего не соображал. «За что? — думал он. — Что случилось... что я сделал такого?.. Не я ли тебе, зануда, надувного зайца купил в юбилей!»

Иван очнулся, когда кто-то говорил о том, что надо кого-то куда-то послать, и

тут он поднял руку кверху... Родной коллектив замер. Не надо забывать, что старый дурак уходил на пенсию, а Иван подавал большие надежды.

Иван медленно встал, держась за спинку переднего кресла, и потихоньку начал: «Дорогие мои, хорошие... Мне очень неприятно под занавес, на закате моей артистической деятельности, получить подобное замечание. Я хотел в конце своем поставить красивую, жирную точку, а из нее получился «блям». Вы все талантливые, добрые, но постарайтесь, я вас очень прошу об этом, понять меня. Мне очень обидно, и я не знаю, как это произошло со мной... Я актер мхатовской школы, а также вахтанговской, и оружием импровизации пользуюсь очень редко. Согласен полностью с нашей дорогой завтруппой, что импровизация вещь опасная. Данная импровизация родилась у меня примерно на десятом спектакле. Алеша Факир делает так (в этом месте Иван показал, как делает Факир, — выпад на левое колено, с вытянутой вперед энергичной рукой), а я говорю: «А... попались, голубчики!» и смеюсь. Импровизировал я подобным образом сто с лишним спектаклей... Но после того, как вы, Людвиг Леопольдовна, сделали мне справедливое замечание, я не говорю больше «А... попались, голубчики», у меня остался только смех, но если надо, я уберу и смех... Но прошу все-таки смех мне оставить. Еще раз приношу глубочайшие извинения моим товарищам, больше импровизировать, не согласовав с главрежем и завтруппой, не буду. И прошу послать меня на уборку урожая, где я постараюсь восполнить пробел в моем актерском образовании...»

Иван кончил. Это была его первая за тридцать лет усердной работы столь длинная речь.

Родной коллектив стонал от восторга. И только одна тетя Глаша плакала в уголку. Она плакала от радости, что едет на целину в компании с артистом, самым безобидным на свете человеком.

Любимый коллектив разбрелся по кулуарам. Ивана тянуло к туалетам, к тете Глаше, и он пошел. Глаша знала, что в жестокие минуты она необходима ему, и ждала его.

— Вот тебе, Ваня, и тринадцатое число...

— Да, Глаша, вот такой «блям» получить в конце жизни — не всякая голова выдержит...

— Не убивайся, Ваня, шибко, — утешала его Глаша, — многое пережили, переживем и импровизацию.

Они помолчали дружно.

— Ваня, я давно у тебя хотела спросить: мы в один колхоз поедem или в разные?

— В один, Глаша, в один. Я тебя, ты меня извини, конечно, за артистку выдам, приготовься к этому делу. Дело для тебя это новое, но не сильно сложное...

— Как хочешь, Ваня, так и делай. Тебе виднее...

С этого дня началась в театре дурацкая вахта Ивана Чайникова. А как он ее нес и как ему помогала в том Глаша, об этом после. А теперь...